

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-180-191

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАДИКАЛЬНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ «МАЛЬТУЗИАНСКОЙ ЛОВУШКИ» И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ*

Э.Э. Шульц

Центр политических и социальных технологий
ул. Большая Филевская, 55-1, Москва, Россия, 121433
(e-mail: nuap1@yandex.ru)

В статье рассматривается проблема причин радикальных массовых форм социального протеста в контексте концепций мальтузианской ловушки и структурно-демографической теории американского социолога Джека Голдстоуна, ставших популярными в последние два десятилетия. В работе дается критический анализ упомянутых концепций, в результате которого автор приходит к выводу, что данные принципы могут являться лишь сопутствующими факторами, т.е. дополнительными факторами риска для политических систем и режимов, но не могут рассматриваться в качестве причины радикальных массовых форм социального протеста. Используемый в статье метод анализа заключается в изучении обстоятельств возникновения этих форм социального протеста в широком историческом контексте, на большом количестве примеров. Научный подход в определении причин социально-исторических фактов заключается в том, что если что-то является причиной события, то оно должно самостоятельно или в комплексе с сопутствующими факторами проявляться в каждом подобном событии. Мальтузианская ловушка и демографический фактор не прослеживаются во всех проявлениях радикальных массовых форм социального протеста в Новое и Новейшее время. Более того, наличие мальтузианской ловушки и давящего на экономику и социальную систему демографического роста часто не вызывают случаев радикального массового социального протеста. Выплеск радикальных массовых форм социального протеста в последнее десятилетие в событиях так называемых «цветных революций», «арабской весны», протестных выступлений во Франции, Англии и США лишний раз подчеркивают актуальность таких исследований и критического подхода к устоявшимся концепциям.

Ключевые слова: причины радикальных форм социального протеста; мальтузианская ловушка; концепция Дж. Голдстоуна; социальный протест; теория социального протеста; теория революции; молодежный бугор

О причинах радикальных массовых форм социального протеста мыслители рассуждают со времен Аристотеля, однако, несмотря на это, у исследователей нет однозначного исчерпывающего ответа на вопросы о причинах бунтов, мятежей, гражданских войн и революций [11; 12]. Наибольшую популярность в последние два десятилетия получили два подхода в объяснении причин радикальных массовых форм социального протеста: «мальтузианская ловушка» и демографическая концепция Дж. Голдстоуна. Критическому анализу этих концепций и посвящена данная статья. Наша цель состоит в том, чтобы понять возможность применения данных концепций с точки зрения объяснения причин (а значит — и прогнозиро-

* © Шульц Э.Э., 2017.

вания) выплеска социального протеста в радикальных и массовых формах. Актуальность подобных исследований обусловлена широким спектром радикальных массовых форм социального протеста, наблюдавшихся в последнее десятилетие в странах бывшего СССР и в странах Северной Африки и Ближнего Востока, получивших названия «цветных революций» и «арабской весны», а также акциями протеста, которые были обойдены вниманием специалистов, особенно с точки зрения причин возникновения таких форм социального протеста, которые имели место во Франции и Англии в 2010-х гг. и в США в 2014 и 2017 г. Метод исследования причин радикальных массовых форм социального протеста должен состоять в сравнении всех феноменов подобного типа, несмотря на разницу в формах проявления (крестьянские и гражданские войны, восстания, мятежи, протестные акции с противостоянием силам правопорядка), стратегий и тактик инсургентов. Суть явления остается единой: выступление части общества против власти с нарушением законов и столкновениями с силами правопорядка, с риском потери жизни, здоровья или тюремного заключения.

Название «мальтузианская ловушка» происходит от имени английского экономиста Томаса Мальтуса (1766—1834), чей труд «Опыт закона о народонаселении» был весьма популярен при жизни автора и выдержал шесть изданий [18. Р. 3]. Однако впоследствии он был подвергнут серьезной критике со стороны научного сообщества [6. С. XXX, XL, XLI]. В связи с тем, что некоторые идеи Мальтуса были взяты на вооружение сторонниками различных форм социальной дискриминации и сегрегации, упомянутое сочинение в 1856 г. было внесено священной конгрегацией в список запрещенных книг [6. С. VIII, XVIII, XVIII]. Возрождение новой популярности нео-мальтузианства произошло в середине XX столетия.

Согласно теории Мальтуса рост населения ограничен плодородием земли: с точки зрения Мальтуса, население удваивается каждые 25 лет и будет возрастать в геометрической прогрессии, что ведет к бедности, голоду и социальным потрясениям, в связи с чем Мальтус призывал к контролю за ростом населения [6. С. 10, 13—16, 22]. На современном этапе мальтузианством называется демографическая теория и одна из социально-экономических моделей, объясняющих функционирование доиндустриальных обществ. Суть теории заключается в том, что рост населения обгоняет рост производства продуктов питания, поэтому не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни улучшения условий существования для большинства населения, которое находится на уровне голодного выживания. Выход из такой социально-экономической «ловушки» находится в процессе модернизации, которая, в свою очередь, влечет вместе с собой различные социальные потрясения — движения народного протеста, восстания, гражданские войны, революции и т.д. [2. С. 134—210; 23. Р. 112—147].

Связана с принципом мальтузианской ловушки и так называемая структурно-демографическая концепция Джека Голдстоуна. Положив в основание своего подхода идеи Мальтуса и немецкого историка экономики Вильгельма Абея (работы 1934 и 1935 г., где исследователь выделял существование демографических циклов Европы, в которых рост населения вел к росту цен и снижению заработной платы, а уменьшение населения — к обратным процессам) [16; 17]. Джек Голд-

стоун выдвинул постулат, что демографический фактор и волны демографического роста стали причинами всех массовых радикальных форм социального протеста в Новое и Новейшее время. Так первая такая волна в Новом времени дала Нидерландскую и Английскую революции; вторая волна — с 1770 по 1850 г. — привела к французским революциям, революциям в Европе 1848—1850 гг., крестьянской войне Пугачева в России и т.д.; а период 1660—1760 гг., когда демографическая ситуация ухудшалась, отметился в истории лишь некоторыми малозначимыми социальными выступлениями [21. Р. 2—3]. Голдстоун считал, что аграрные государства не могли справиться с постоянным ростом населения: уровень населения превышал плодородие земли, что и вело к социальным возмущениям. В последних работах Голдстоун стал рассматривать рост населения как «бомбу замедленного действия» и для развития современной цивилизации [21. Р. 2—3, 27, 31, 419—421; 22. Р. 31].

Итак, мы имеем две отправные точки. Во-первых, феномен давления демографического роста в государстве, а во-вторых, утверждения о причинно-следственной связи между этим феноменом и возникновением радикальных массовых форм социального протеста. Необходимо понимать, что, как справедливо отметил Франсуа Крузэ, на сегодняшний день нет полностью удовлетворяющей теории развития для доиндустриальных экономических систем, а мальтузианская модель выступает лишь одной из них, которая получила популярность на определенном этапе развития мысли [19. Р. 87]. Выдвинутый в качестве главенствующего в экономическом развитии принцип мальтузианской ловушки часто сводит изображение истории до XIX в. к максимально упрощенному пониманию [3. С. 14]. Рассуждения о мальтузианской ловушке доходят порой до крайних утверждений, например, что «средний человек в 1800 году жил не лучше, чем за 100 тыс. лет до н.э.» [3. С. 14]: «Качество жизни также не возрастало ни в каком из ощутимых отношений. Продолжительность жизни в 1800 году была не больше, чем у охотников и собирателей: 30—35 лет. Средний рост — показатель качества питания, а также заболеваемости среди детей — в каменном веке был выше, чем в 1800 году. И если первобытные люди были способны удовлетворить свои материальные потребности, приложив к тому совсем немного усилий, то англичане 1800 года могли обеспечить себе скромный комфорт лишь путем неустанного труда» [3. С. 15]. Это, конечно, исторический нонсенс. Описываемый уровень общества заставляет только удивляться, как подобные общества вообще выжили, смогли создать капиталистическую экономику и промышленную революцию. В качестве же объяснения выдвигалась идея о целенаправленном ограничении рождаемости в Европе в позднее Средневековье, что способствовало росту благосостояния [4. С. 194].

На самом деле человек в ходе прогресса тратил на добывание жизненных средств меньше сил и времени, что, собственно, и стало залогом развития цивилизации. Начало индустриальной эпохи принесло на некоторый промежуток времени повышение количества затрачиваемого времени на работу в городах, что проявилось в Европе XIX в. и породило выводы Маркса об эксплуатации и взгляд на пролетариат как на класс рабов, которому нечего терять кроме своих цепей. При

отсутствии эффективных средств контрацепции и церковном запрете на аборт и контрацепцию контролировать рождаемость не представлялось возможным. Демографический рост как раз стал двигателем прогресса Западной Европы, так как благодаря существенному росту населения (с 40 до 200 миллионов) произошли развитие торговли и рост производства между XI и XVIII в. [19. Р. 10, 88]. Только возможность производить избыточный прибавочный продукт позволяет содержать больше людей не занятых в производстве. Поэтому если Европа в Средние века жила на грани голода, то объяснить расцвет культуры в XIII—XV вв., а затем в XVII столетии не представляется возможным.

Демографический рост двигал в Средние века население в города, что позволило создать городскую цивилизацию. Рост населения позволил высвободить часть этого населения из производственного цикла в иные сферы: науку, искусство и т.п. «Излишек» создавал возможность военных потерь без угрозы выживания популяции, что вело к захватническим войнам и грабительским набегам. Так сложилась ситуация, например, у скандинавских народов в период набегов викингов. Добыча в таких военных походах перекрывала потенциальный доход на душу населения при обычном мирном ведении хозяйства. Нехватка земли и продовольствия должны неминуемо вести к освоению новых территорий, однако в период классических и поздних Средних веков такой экспансии почти не происходило, а колониционный процесс Нового времени — Северная и Южная Америка и Сибирь — был более связан не с низким уровнем жизни и нехваткой продовольствия, и не тягой к обработке новой земли, а стремлением к «вольнице», быстрой и легкой наживе за счет аборигенов, получения социального статуса и т.д.

В середине XIV в. столетия чума унесла огромное количество жизней, и европейские государства смогли восстановить уровень населения к XVI в. [5. С. 15; 19. Р. 89]. Только «с открытием Америки население Европы впервые начало уменьшаться из-за такого фактора, как эмиграция, стала гуще сеть городов. Этот подъем обрывается к концу XVI века и переходит в кризис XVII века, обусловленный Тридцатилетней войной, новой эпидемией чумы и все чаще случающимися продовольственными кризисами» [5. С. 15]. Таким образом, о перенаселенности Европы в период до 1800 г. (устанавливаемая временная граница доиндустриальных государств в Европе и начало прорыва мальтузианской ловушки) вести речь не приходится. Европа никогда не была перенаселена в том смысле, который вкладывается в это понятие сегодня.

Относительная перенаселенность регулировалась несколькими путями: война, колониционные процессы; грабительские набеги, которые вели к людским потерям и большим финансовым приобретениям; отсылка за рубеж больших групп знатного сословия (как правило, бедного и безземельного), способного с оружием в руках выступить против власти (крестовые походы, экспедиционные отряды в Америку). Кроме того вплоть до Новейшего времени в сокращении населения большую роль играли эпидемии и городские пожары.

В истории человечества еще никогда не было периода, чтобы предел возможности пропитания был достигнут. Голодные года не давали релевантной убыли на-

селения. Рост населения, как и его торможение и упадок, всегда зависел от других факторов. Восстания и революции никак не помогали улучшить пропитание, и это вполне осознавалось уже нашими предками: человек стремился искать лучшей жизни в других землях или находил ее в колонизации или войне. Рост населения и недостаток ресурсов на какой-то территории, по крайней мере до Новейшего времени, приводил к движению народов, внешним войнам, но не к восстаниям, гражданским войнам и революциям.

Исследования демографического и экономического состояния перед Великой французской революцией (которая является «классическим» примером в демонстрации причин революций) приводят ряд современных исследователей к выводам, что высокое давление демографии на экономику в предреволюционной Франции является недоказанным. 1788 год дал плохой урожай, но в 1789 г. не было никакого кризиса голодания или повышенной смертности [19. Р. 92]. Вообще прямой корреляции между неурожайными годами и кризисами повышенной смертности населения в истории Европы нет (если эти годы не попадали на эпидемии) [19. Р. 92—93]. Есть связь между ростом населения и ростом цен на зерно [5. С. 27], но это не означает существенную нехватку продовольствия, голод и увеличение смертности.

Перед Французской революцией в стране не было голода, можно вести речь лишь о некотором падении уровня потребления в связи с двумя годами неурожая. Однако такого падения не было ни перед революцией в Нидерландах, ни в Английской и Американской революциях, ни перед Китайской и Кубинской революциями. Говоря о Русской революции, тоже некорректно заключать, что она была вызвана голодом: в стране было достаточно продовольствия, наличествовали некоторые сложности в прифронтовой зоне и с доставкой продовольствия в Петроград. Более того, как известно, голодные не бунтуют, голодные борются за существование. Так, голод в СССР 1932—1933 гг. не вызвал новую революцию, даже значительных массовых и радикальных выступлений против власти не последовало. Кроме того, в истории сложно найти множество примеров, где страна перед потрясениями радикального массового протеста голодала (т.е. не могла обеспечить продовольствием население в связи с экономической ловушкой при росте населения).

Следует обратить внимание, что проблема здесь лежит скорее не в плоскости экономики, а в плоскости социальной психологии: не в фактическом положении дел, а в представлении этого положения. «Голодным годам» во Франции сопутствовал фактор панических настроений и резко негативного отношения к богатым и торгующим продовольствием [9. С. 132, 133, 161]. З.А. Чеканцева, изучая проблемы социального протеста во Франции XVII—XVIII в., отметила, что широкое распространение хлебных бунтов с конца XVII в. являлось «отражением существенного ментального сдвига: именно в это время не только власть имущие, но и простые люди перестали связывать голод лишь с карой небесной» [9. С. 33]. При этом следует учитывать, что оценка привычного уровня потребления в разных странах и культурах всегда различна. Так, в Средние века и Новое время привычный стол европейского крестьянина мог представляться праздничным для русского и пиршественным для китайца.

Проблемы соотношения роста экономики и роста населения связывается с низкой урожайностью: от сам-семь до сам-десять в европейских странах между 1500 и 1800 г. [5. С. 26]. Однако в сравнении с Россией, где средняя урожайность даже в XIX в. редко достигала сам-четыре [7. С. 384, 390], такой уровень выглядит сверх богатым и действительно позволял европейским странам иметь излишек и использовать его для развития. Вообще, понятие «излишек» и «недостаток» определяется не количественными величинами (если речь не идет о крайних степенях низкого уровня), а отношением к этим значениям. То, что мы сегодня считаем крайне низким уровнем, было вполне достаточным для людей Средних веков, Нового времени и даже большинства стран начала Новейшего времени.

Главная ошибка модели мальтузианской ловушки заключается в том, что мышление современного человека эпохи «общества потребления» переносится на ментальность предшествующих эпох, а такой перенос абсолютно некорректен. Человек эпохи Средних веков и почти всего Нового времени относился к своему достатку как данному ему Богом (упорным трудом и т.д.). Фрустрация начинается тогда, когда уровень твоего достатка разнится с релевантными группами, а в Средние века таковыми выступали жители округа, максимум — страны: такие же крестьяне и горожане. Новое время привнесло фактор интернационализации и сопоставлений с состоянием за пределами страны, но, во-первых, уровень этой информированности был весьма ограниченным, во-вторых, уровень материального благосостояния граждан различных европейских государств, принадлежащих к одним и тем же социальным группам, отличался незначительно почти до Новейшего времени.

Эта ошибка, казалось бы, в какой-то степени устраняется концепцией «мальтузианско-марксово́й» или «мальтузианско-урбанистской ловушки» (по мнению некоторых авторов, характерной не для доиндустриальных, а для индустриализующихся стран) [1. С. 214, 216]. Но только если относить эту проблему к индустриализующимся обществам XX и XXI в. в условиях снижения информационных барьеров, широкого распространения шаблонов «модернизации», «успешности», «достатка», «высокого уровня жизни» и примеров развитых государств. Однако и эта модифицированная форма принципа не решает другую проблему: непрекращающуюся цикличность причинно-следственной связи, в случае, если мальтузианскую ловушку рассматривать не как экономический феномен, а как причину массового социального протеста. После проявлений радикальных массовых форм протеста мальтузианская ловушка никуда не исчезает, т.е. «последствие» не устраняет свою «причину», а если так, то, следуя логике причинно-следственных связей, протест должен прорываться вновь и вновь и переходить в непрекращающийся бунт до тех пор, пока население не уменьшится настолько, чтобы снова повысить уровень материального благосостояния на душу населения. Однако такие масштабные и продолжительные смуты (которые способны были унести такое количество людей) приводят к полному упадку экономики, так что уровень материального благосостояния после этих событий существенно ниже, чем до них. Что, следуя логике, должно было бы вызывать еще большее недовольство и новые бунты. Но такой ход событий, трудно представимый даже теоретически, на практике никогда не встречался.

Ведет ли демографический рост сам по себе к социальной напряженности? Голдстоун не решил, в конце концов, остановиться на таком утверждении. Исследователь расширил сопутствующие факторы, так как с его точки зрения, для того чтобы понять природу государственных кризисов, необходимо учитывать, влиял ли демографический рост на цены, затрагивали ли эти изменения госдоходы, доход и условия занятости населения в целом [21. Р. 27, 31]. Однако и эти дополнения не кажутся бесспорными. Рост населения может вести к росту продовольственных цен, но к тому же ведут неурожайные годы и процесс инфляции — на таких длительных временных промежутках, которые рассматриваются, этот процесс является закономерным даже вне зависимости от роста или убыли населения. Рост цен и особенно проблемы государственных доходов чаще всего были вызваны другими факторами: войны, расточительность и неразумная политика, — причем эти проблемы могли доставаться по наследству правителям, при которых случались вспышки радикальных массовых форм социального протеста. Алексис де Токвиль справедливо утверждал, что истощение Франции (в первую очередь казны) началось при Людовике XIV, еще в период его победоносных войн, почти за столетие до Французской революции [8. С. 151].

Демографический рост при неэластичности политических институтов действительно может оказывать влияние на социальную напряженность в обществе и давление на политическую систему, но это не одно и то же, что и всплеск радикального социального протеста в виде восстания, гражданской войны, революционного движения, мятежа или, как минимум, масштабных антиправительственных акций, связанных со столкновениями с силами порядка. Это состояние общества, когда население рискует жизнью, тюрьмой, физическими повреждениями и здоровьем, и вопрос заключается в том, что может вызвать такое состояние общества, когда его часть готова идти на подобные жертвы. Производной от демографической концепции является принцип так называемого «молодежного бугра» (youth bulge). Естественный рост населения неизбежно ведет к росту доли молодежи в обществе, а в связи с тем, что молодежь более склонна к протестным действиям, то этот рост ведет к всплеску радикальных массовых форм социального протеста. По мнению Голдстоуна, большинство революций XX в. произошли там, где наблюдался «молодежный бугор» [20. Р. 3—21].

Состояние протеста является неотъемлемой частью молодежной психологии, а формы молодежного протеста могут быстро переходить в крайние состояния. Однако постоянный конфликт поколений, когда каждое новое поколение стремится пересмотреть взгляды и принципы предыдущего, стал накладывать существенный отпечаток на процесс возникновения и развития социального протеста лишь в период Новейшего времени. Для обществ Древности и Средневековья такое состояние дел не было характерным. Следует также принимать во внимание, что в современных событиях «избыток» молодого населения в структуре общества отмечается только для арабских стран, но не для стран постсоветского пространства, где прошли «цветные революции». В странах «бархатных революций» не существовало аномально большой доли молодежи. Если вести речь о русской

революции (которая часто приводится в пример), то «молодежный бугор», сформировавшийся в России к началу XX в., был существенно «сглажен» потерями в Первой мировой войне. В Германии конца 1920-х — начала 1930-х гг. молодежь сыграла существенную роль в поддержке нацистского движения, но ключевой фактор успеха нацистов заключался в поддержке не молодого поколения, а поколений, которые сохранили свои политические взгляды, перейдя в более зрелый возраст [10; 13]. Множество вопросов вызывает и пример Кубинской революции [15]. Следует констатировать, что и в этом прочтении демографический фактор вызывает обоснованные сомнения. Безусловно, молодежь является самым быстро воспламеняющимся материалом бунта, однако превалирование доли молодежи в обществе вряд ли правомерно рассматривать как основную причину бунта.

Голдстоун в своих работах не разделяет причины социального протеста в его радикальных и массовых формах и причины революций. Социальный протест является частью революций, где в результате протеста происходит государственный переворот и последующие кардинальные реформы в обществе, которые, собственно, и выделяют такой социально-политический феномен как революция. Если рассматривать причины радикального социального протеста как составной части революции и революций как редкого социального политического явления отдельно, то это правомерно, но сторонники мальтузианской ловушки и структурно-демографической теории эти явления смешивают. Подобный подход приводит к смешению двух вопросов «Почему люди бунтуют?» и «Почему происходят революции?», а это явления разного порядка.

В данной статье мы рассматриваем проблему причин радикального массового социального протеста, в том числе как часть революций, но не причины самих революций, однако вынуждены частично затронуть и второй вопрос. Разорвать мальтузианскую ловушку можно в процессе модернизации общества, но эта модернизация является причиной революций. Соответственно, мальтузианская ловушка становится причиной революций в индустриализирующихся обществах. Здесь возникает вопрос, так как революция действительно производит модернизацию, но в политической и социальной сфере, а не экономической. Изменения в экономике производит промышленная, а не социальная революция, соответственно, социальная революция не может упразднить мальтузианскую ловушку. Кроме того, революции происходили и в уже индустриализированных обществах — например, ноябрьская революция 1918 г. в Германии, «революция гвоздик» 1974 г. в Португалии, «бархатные революции» и др. [14]. С другой стороны, если происходит не революция, а восстание, мятеж, то как они могут упразднить эти факторы-причины, если модернизирующие процессы связаны с революциями? Здесь, очевидно, происходит конфликт в логике причинно-следственной связи.

Если проанализировать все явления радикальных массовых форм социального протеста с XV в. до сегодняшнего дня, можно с уверенностью говорить о том, что демографический рост и мальтузианская ловушка не могут рассматриваться как факт, как минимум для половины таких случаев — их просто не было, а там,

где они теоретически могли присутствовать, есть большие сомнения, что они стали причиной (глубинной или поверхностной) выплеска социального протеста. Крестьянские войны XV—XVIII в. (которые приводит в пример Голдстоун) ни в Западной Европе, ни в России (где при низкой плотности населения вести речь о перенаселенности кажется более чем странным) не имели отношения ни к демографическому росту, ни к мальтузианской ловушке, ни с точки зрения глубинных причин, ни тех, что артикулировали участники событий. Это столь же справедливо для Нидерландской, Английской, всех французских революций, революции в Швейцарии, Бельгии, Норвегии, Швеции, Японии, Греции, всех испанских и португальских, национально-освободительных революций Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, революций в Китае и обеих Кореях и т.д. [14].

Научный подход в определении причин исторических фактов заключается в том, что если что-то является причиной события, то оно должно самостоятельно или в комплексе с сопутствующими факторами проявляться в каждом подобном событии. Мальтузианская ловушка и демографический фактор не прослеживаются во всех проявлениях радикальных массовых форм социального протеста в Новое и Новейшее время. Более того, наличие мальтузианской ловушки и давящего на экономику и социальную систему демографического роста часто не вызывают случаев радикального массового социального протеста. В связи с этим данные принципы могут являться сопутствующими факторами и факторами риска для политических систем и режимов, но не могут рассматриваться в качестве причины радикальных массовых форм социального протеста. Эти выводы подтверждаются и сходными событиями начала XXI в. До событий последних трех лет радикальный протест обнаруживался в странах вне десятки благополучных, что можно было бы объяснить действием социально-экономических причин. Однако какими экономическими факторами или демографическим ростом были вызваны радикальные протестные акции во Франции и Англии 2010-х гг. или события двухлетней давности и сегодняшнего дня в США?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гринин Л.Е.* Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции // О причинах русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 198—224.
- [2] *Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Гусев В.А., Коротаев А.В.* Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки // История и математика: процессы и модели / Ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 134—210.
- [3] *Кларк Г.* Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
- [4] *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: «Восточная литература» РАН, 2003.
- [5] *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010.
- [6] *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, Типо-литография О.И. Лашевич и Ко, 1895.
- [7] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

- [8] *Токвиль А.* Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008.
- [9] *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- [10] *Шульц Э.Э.* Приход нацистов к власти в Германии и концепция «молодежного бугра» // *Общество. Среда. Развитие*. 2015. № 3. С. 98—101.
- [11] *Шульц Э.Э.* Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // *Вестник МГУ. Серия «Политология»*. 2014. № 2. С. 39—49.
- [12] *Шульц Э.Э.* Причины революций: голова или кошелек? // *Историческая психология и социология истории*. 2014. № 1. С. 102—119.
- [13] *Шульц Э.Э.* Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928—33 гг. // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2015. № 1. С. 42—53.
- [14] *Шульц Э.Э.* Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- [15] *Шульц Э.Э.* Феномен кубинской революции в контексте технологий управления социальным протестом // *Приволжский научный вестник*. 2014. № 4. С. 145—153.
- [16] *Abel W.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur // *Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Berlin, 1935.
- [17] *Abel W.* Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // *Schmollers Jahrbücher*. 1934. № 58.
- [18] *Bonar J.* Malthus and His Work. L.: Macmillan and Co., 1885.
- [19] *Crouzet F.* A History of the European Economy, 1000—2000. Charlottesville-L.: The University Press of Virginia, 2001.
- [20] *Goldstone J.A.* Population and security: How demographic change can lead to violent conflict // *Journal of International Affairs*. 2002. No. 56. P. 3—21.
- [21] *Goldstone J.A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
- [22] *Goldstone J.A.* The new population bomb: The four megatrends that will change the world // *Foreign Affairs*. 2010. Vol. 89. No. 1. P. 31—43.
- [23] *Turchin P., Korotayev A.* Population dynamics and internal warfare: A reconsideration // *Social Evolution & History*. 2006. No. 5. P. 112—147.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-180-191

ON THE REASONS OF RADICAL FORMS OF SOCIAL PROTEST: REFLECTIONS ABOUT PRINCIPLES OF ‘MALTHUSIAN TRAP’ AND DEMOGRAPHIC FACTORS*

E.E. Shults

Center for Political and Social Technologies
B. Filevskaya St., 55-1, Moscow, Russia, 121433
(e-mail: nuapl@yandex.ru)

The article considers reasons for radical mass forms of social protest in the context of the ‘Malthusian trap’ and structural-demographic theory of Jack Goldstone, which have become popular in the last two decades. The author critically evaluates these two conceptions and comes to the conclusion that the principles

* © E.E. Shults, 2017.

they underline are just concomitant factors, i.e. additional risk factors for political systems and regimes, rather than causes of radical mass forms of social protest. The author suggests a method of analysis that consists of studying the circumstances, i.e. the wide historical context, in which mass forms of social protest usually emerge, and provides a large number of illustrative examples. The scientific approach to the identification of social-historical determinants of radical forms of social protest implies that if something is a reason/cause of an event, then this reason/cause must be present whenever there is such an event both alone or within a complex of concomitant factors. The ‘Malthusian trap’ and demographic factors cannot be traced in all manifestations of radical mass forms of social protest in modern and contemporary history. Moreover, the ‘Malthusian trap’ and demographic pressure on the economy and social system do not always lead to mass forms of social protest. The wave of radical forms of social protest in the last decade, i.e. the so-called ‘color revolutions’, ‘Arab spring’, protest actions in France, England and the USA, once again confirms the relevance of the author’s approach and the importance of critical study of the traditional conceptions.

Key words: reasons for radical forms of social protest; ‘Malthusian trap’; J. Goldstone’s theory; social protest; theory of social protest; theory of revolution; youth ‘bulge’

REFERENCES

- [1] Grinin L.E. Mal'tuziansko-marksova «lovushka» i russkie revoljucii [Malthusian-Marx trap and Russian revolutions]. *O prichinah russskoj revoljucii*. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2010: 198—224 (In Russ).
- [2] Grinin L.E., Malkov S.Ju., Gusev V.A., Korotaev A.V. Nekotorye vozmozhnye napravlenija razvitija teorii social'no-demograficheskikh ciklov i matematicheskie modeli vyhoda iz mal'tuzianskoj lovushki [Some possible directions in the development of the theory of social-demographic cycles, and mathematical models for getting out of the Malthusian trap]. *Istorija i matematika: processy i modeli* / Red. S.Ju. Malkov, L.E. Grinin, A.V. Korotaev. Moscow: LIBROKOM; 2009: 134—210 (In Russ).
- [3] Clark G. *Proshhaj, nishheta! Kratkaja ekonomicheskaja istorija mira* [A Farewell to Alms: a Brief Economic History of the World]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara; 2012 (In Russ).
- [4] Korotaev A.V. *Social'naja evoljucija: faktory, zakonmernosti, tendencii* [Social Evolution: Factors, Regularities, Tendencies]. Moscow: “Vostochnaja literature” RAN; 2003 (In Russ).
- [5] Livi Bachi M. *Demograficheskaja istorija Evropy* [Demographic History of Europe]. Saint Petersburg: Aleksandrija; 2010 (In Russ).
- [6] Malthus T.-R. *An Essay on the Principle of Population*. Moscow: Izdanie K.T. Soldatenkova, Tipo-litografija O.I. Lashvevich i Ko; 1895. (In Russ).
- [7] Milov L.V. *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa* [Great Russian Plowman, and Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN; 1998 (In Russ).
- [8] Tocqueville A. *Staryj porjadok i revoljucija*. [Old Regime and Revolution]. Saint Petersburg: Aletejja; 2008 (In Russ).
- [9] Chekantseva Z.A. *Porjadok i besporjadok: protestujushhaja tolpa vo Francii mezhdu Frondoj i revoljuciej*. [Order and Disorder: Protesting Crowd in France between Opposition and Revolution]. Moscow: LIBROKOM; 2012 (In Russ).
- [10] Shults E.E. Prihod nacistov k vlasti v Germanii i koncepcija «molodezhnogo bugra» [Coming of Nazis to power in Germany, and the concept of “youth bulge”]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*, 2015;3:98—101 (In Russ).
- [11] Shults E.E. Prichiny voznikovenija radikal'nyh form social'nogo protesta (istoriograficheskij obzor) [Origins of radical forms of social protest: A historiographical review]. *Vestnik MGU. Serija “Politologija”*, 2014;2:39—49 (In Russ).
- [12] Shults E.E. Prichiny revoljucij: golova ili koshelek? [Reasons of revolutions: Life or purse?]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, 2014;1:102—119 (In Russ).

- [13] Shults E.E. Problemnye voprosy social'noj bazy NSDAP: k prichinam uspeha nacistov na vyborah 1928—33 gg. [The social base of NSDAP: Reasons for Nazis success in 1928—1933 elections]. *RUDN Journal of Sociology*, 2015;1:42—53 (In Russ).
- [14] Shults E.E. *Teorija revoljucii: revoljucii i sovremennye civilizacii* [Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations]. Moscow: LENAND; 2016.
- [15] Shults E.E. Fenomen kubinskoj revoljucii v kontekste tehnologij upravljenija social'nym protestom [A phenomenon of the Cuban revolution in the context of technologies for managing social protest]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, 2014;4:145—153 (In Russ).
- [16] Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. *Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Berlin; 1935.
- [17] Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung. *Schmollers Jahrbücher*. 1934. No. 58.
- [18] Bonar J. *Malthus and His Work*. L.: Macmillan & Co.; 1885.
- [19] Crouzet F. *A History of the European Economy, 1000—2000*. Charlottesville—L.: The University Press of Virginia; 2001.
- [20] Goldstone J.A. Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs*, 2002;56:3—21.
- [21] Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press; 1991.
- [22] Goldstone J.A. The new population bomb: The four megatrends that will change the world. *Foreign Affairs*, 2010;89(1):31—43.
- [23] Turchin P., Korotayev A. Population dynamics and internal warfare: A reconsideration. *Social Evolution & History*, 2006;5:112—147.